

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

М. В. Печников

ЦЕРКОВЬ И СТРИГОЛЬНИКИ В ПСКОВЕ В КОНЦЕ XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.

Псков являлся одним из двух известных центров религиозного движения отлученных от церкви стригольников, которое существовало во второй половине XIV – первой трети XV в. в городах Северо-Западной Руси (кроме Пскова, стригольники до конца XIV в. известны в Новгороде)¹.

Позднесредневековая традиция приписывала стригольничеству именно псковское происхождение. В 16-м «слове» «Книги на новгородских еретиков» («Просветителя») прп. Иосиф Волоцкий писал: «Нѣкто бо бысть человекъ гнусныхъ и скверныхъ дѣлъ исполненъ именемъ Карпъ, художествомъ стригольникъ, живый во Псковѣ. Сей убо окалнный ересь состави скверну же и мерзку, акоже и вси вѣдаты, и мнѣзи от православныхъ христїанъ, иже соуть слаби и неразоумни, послѣдоваша ереси той». По Иосифу, ересь в Пскове существовала до тех пор, пока «архієпископъ Дїонисїй Суздальскїй ѿиде в Константинь градъ о семъ, и принесе посланіе ѿ вселенскаго патріарха Антонїа во Псковъ к посадникѣмъ, ако да быша въ православїи попецкиса і еретики искоренили», после чего стригольники были осуждены на вечное заточение в темнице².

Давно замечено, что в рассказе волоцкого игумена о псковских стригольниках конец «ереси» связывается с деятельностью архиепископа Дионисия Суздальского, а автором послания, которое тот привез на Русь, называется константинопольский патриарх Антоний IV (1389–

¹ В современной историографии сохраняется широкий разброс мнений по вопросу о сущности стригольнического мировоззрения – от полного отождествления с православием [Рыбаков] до определения стригольничества как попытки возрождения языческих культов [Мильков, с. 33–46]. В. А. Бачинин видит в стригольниках первых русских протестантов-евангелистов [Бачинин, с. 208–227], А. И. Алексеев, напротив, – движение христиан-традиционалистов, сохранявших формы благочестия XI–XIII в., но противящихся начавшемуся в XIV в. процессу формирования «нового благочестия», непременными атрибутами которого были регулярные исповедь, причастие и выработка норм заупокойно-поминального культа [Алексеев, 2004, с. 22–34]. Автор настоящей статьи придерживается близкого последней точке зрения взгляда на стригольничество как на «беспоповский» раскол, а не ересь, что, как представляется, находится в соответствии с достоверными сведениями современных движению источников (см.: [Печников, 2001; Печников, 2005]). Обзор историографии см.: [Алексеев, 2012, с. 21–52]. Некоторые проблемы истории стригольничества в Пскове, затронутые в последней монографии А. И. Алексеева, нуждаются в уточнении.

² *Иосиф Волоцкий*. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1903. С. 541–542. Пространная редакция «Книги на новгородских еретиков», включившая «слова» 12–16, была составлена, по мнению Я. С. Лурье, не ранее 1510–1511 г. (Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI в. М.; Л., 1955 (далее – Источники). С. 452, 455–456, 516); по А. И. Плигузову – возможно, даже около 1515 г. [Плигузов, 1993, с. 135]. Согласно А. И. Алексееву, к 1502 г. «Просветитель» существовал в объеме 13 «слов», 16-е «слово» было написано между 1505 и 1507 г. [Алексеев, 2010, с. 308, 314].

1390, 1391–1397 г.), занимавший кафедру уже после смерти Дионисия († 1385). Тем не менее в дореволюционной науке точка зрения, согласно которой стригольничество сначала появилось в Пскове, а затем перекинулось в Новгород, являлась господствовавшей [Евгений (Болховитинов), с. 19–22; Руднев, с. 73; Филарет (Гумилевский), с. 73; Макарий (Булгаков), с. 99; Соловьев, с. 578–579; Архангельский, с. 256; Костомаров, с. 461; Никитский, 1873, с. 237; Никитский, 1879, с. 146–147]³. Будучи отвергнутой Н. А. Казаковой⁴, она была возрождена в монографии Б. А. Рыбакова, согласно которому Иосиф Волоцкий не имел «никаких мотивов заменять предполагаемое новгородское происхождение Карпа на псковское», а «достоверные сведения о Карпе и месте зарождения ереси Иосиф мог получить от новгородско-псковского архиепископа Геннадия» [Руднев, с. 13]. Однако архиепископ Геннадий (Гонзов), занимавший кафедру в 1484–1504 г. и умерший в 1505 г., сам, вероятнее всего, знал об этом движении только из полемических произведений, которые хранились при софийской кафедре, на которую он прибыл из Москвы в период больших потрясений для Новгородской епархии⁵. Вряд ли он мог снабдить Иосифа какими-то важными дополнительными сведениями о стригольниках при написании последним 16-го «слова», которое началось уже после отставки архиепископа и, скорее всего, после его смерти, тем более что степень фактической новизны и достоверности повествования Иосифа о событиях в Пскове вызывает сомнения. Объяснение может быть в том, что Иосиф составил собственную реконструкцию истории движения по грамотам церковных иерархов, включенным не позднее 1507 г. [Плигузов, 2008, с. 59–60] в «митрополичий формулярник» ГИМ. Синод. 562⁶. Характеристика волоцким игуменом стригольничества как исключительно псковского движения может найти объяснение в том, что антистригольнические материалы этого сборника адресованы или непосредственно в Псков (русская редакция послания патриарха Нила, послания митрополита Фотия), или архиепископу Новгорода и «Плескова града» («Послание патриарха Антония»). Что характерно, рассказ Иосифа не содержит свидетельств знакомства с летописным сообщением о казни трех стригольников в Новгороде в 1375/1376 г.⁷

По свидетельству антистригольнического трактата, наиболее вероятным автором которого следует признать пермского епископа свт. Стефана, а датой — 1386 г.⁸, организатором секты действительно был отлученный от церкви дьякон Карп⁹, однако о его происхождении церковный полемист умалчивает. Тот факт, что Карп с двумя единомышленниками был казнен в 1375/1376 г. в Новгороде, свидетельствует скорее о том, что он был новгородцем — в противном случае на его псковское происхождение, по-видимому, было бы указано летописцами, да и сама расправа более вероятна в его родном городе. Исходя из вышесказанного, говорить о конкретном месте возникновения движения стригольников, у нас, к сожалению, нет достаточных оснований, но, скорее всего, «приоритет» был за Новгородом — церковным центром Северо-Западной Руси.

³ Из всех авторов, писавших в XIX — начале XX в. о стригольничестве, пожалуй, лишь Е. Е. Голубинский высказал сомнение в его псковском происхождении. Однако свою гипотезу он не выдвинул, оставив вопрос открытым [Голубинский, с. 396–397].

⁴ Н. А. Казакова полагала без достаточной опоры в источниках, что стригольничество скорее могло возникнуть в 30-е годы XIV в. в Новгороде при архиепископе Василии Калике [Казакова, Лурье, с. 35].

⁵ По правдоподобию предположению английской исследовательницы Яны Хоулетт, именно этими текстами Геннадий руководствовался при определении взглядов иеромонаха Немчинова монастыря Захара как стригольнических [Хоулетт, с. 68]. Наиболее вероятно, что именно с деятельностью «геннадиевского кружка» связано составление второй редакции антистригольнического «Списания» конца XIV в., которому была придана форма послания в Новгород патриарха Антония IV (см.: [Печников, 2006]).

⁶ Это послание анонимного константинопольского патриарха (грамота патриарха Нила 1382 г., см.: Источники. № 1. С. 230–234; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 2008 (далее — РФА. 2008). № 119. С. 399–402), грамота псевдо-Антония (вторая редакция «Списания»), а также четыре грамоты митрополита Фотия 1416–1427 г., три из которых датированы. Иосиф искусственно «привязал» сведения Фотия о борьбе псковских посадников и духовенства со стригольниками в 20-е годы XV в. к 80-м годам XIV в., эпохе Дионисия Суздальского, что, на мой взгляд, свидетельствует о сознательной попытке скомпилировать сведения разновременных источников.

⁷ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 305; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 235; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 449.

⁸ См. об этом подробнее: [Печников (в печати)].

⁹ Источники. С. 236–241.

Первые сообщения о псковских стригольниках относятся лишь к началу 80-х годов XIV в., когда прибывший из Константинополя в Новгород зимой 1382–1383 г. архиепископ Суздальский и Нижегородский Дионисий привез с собой грамоты патриарха Нила¹⁰. Одна из них извещала о возведении Дионисия в сан архиепископа¹¹, другая была целиком посвящена проблеме отпадения от церкви части паствы новгородского владыки¹². Архиепископ был экзархом константинопольского патриарха по вопросу о расколе в Новгородской епархии. «Да видит вы от нас, — писал Нил, — и благословить, и поучит, и накажет, и извещает, и подобная устроит, и совокупить соборней апостольской Божии церкви... елико из уст речеть вам, примите яко наше слово»¹³.

Новгородский владыка Алексей, вопреки мнению Б. А. Рыбакова (который подозревал архиепископа в симпатиях к стригольникам (см.: [Рыбаков, с. 287–289])), оказал активное содействие Дионисию. Вскоре последний отправился в Псков «по повелению владыце Алексея, и поучая закону Божию, а утвержая правовернии вере истиннии христианстей, негли бы Бог в последняя лета утвердил несмущено от злых человек, дияволом наущеным, правоверная вера»¹⁴. Несомненно, что здесь перед нами скрытое сообщение о стригольничестве. В грамоте Дионисия Снетогорскому монастырю, данной во время этого визита, говорится, что он пришел в Псков по поручению патриарха «о исправлении отлучившихся съборныя апостольския Христовы церкви»¹⁵, под которыми могли подразумеваться только стригольники — другие случаи коллективного отпадения от церкви псковичей для того времени неизвестны. В Новгородской V летописи читается другая концовка сообщения: «негли Бог укрепил бы от соблазнъ в последняя лета несмущенно от ересии» (ГИМ. Синод. 280. Л. 651). Хронографический список этой летописи начала XVI в. явился, как показал Б. М. Клосс, непосредственным источником Никоновского свода [Клосс, с. 32–43]¹⁶, в котором прямо говорится об антистригольническом характере миссии нижегородско-суздальского архиепископа¹⁷.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 44, 237–238. С. 378; см. также: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326, 339.

¹¹ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. № 23. Стб. 199–204.

¹² Известен греческий текст грамоты, адресованный в Новгород (см.: РИБ. Т. 6. Приложения. № 31. Стб. 183–188). Время составления ее русской редакции, адресованной в Псков и дошедшей в составе митрополичьих сборников первой трети XVI в. (ГИМ. Синод. 562. Л. 315 об. — 319; ГИМ. Синод. 280. Л. 427–429; РГБ. Унд. 27. Л. 355–357 об.), определить непросто. Древнерусский перевод послания Нила был использован уже в так называемом «Послании патриарха Антония» — второй редакции «Списания на стригольники», составленной во второй половине XV в. при новгородской владычной кафедре. В то же время представляется не случайным, что в *inscriptio* древнерусского текста послания ничего не говорится о церковном подчинении Пскова Новгороду; псковичи определяются как «подлежащие святей митрополии вся Руси» (Источники. С. 232). Это является свидетельством того, что древнерусский перевод грамоты Нила не мог быть составлен в Новгороде. Перед нами отражение особых отношений, установившихся с конца XIV в. между Псковом и московскими митрополитами, которые нередко обращались в Псков непосредственно, игнорируя его законного церковного владыку — новгородского архиепископа. Кульминацией таких отношений стало фактически прямое подчинение Пскова Москве в церковном отношении в 1438 г., когда митрополит Исидор поставил во главе псковской церкви архимандрита Геласия, лишив новгородского владыку всех его полномочий в Псковской земле. Отношения Пскова с архиепископом Евфимием II были нормализованы только в 1447 г. (см.: [Мусин, с. 281–290]). Это дает основания для предположения, что перевод грамоты Нила был осуществлен в Пскове в 1416–1427 г. — в период совместной борьбы митрополита Фотия и псковских властей со стригольничеством в этом городе, без привлечения к ней Новгорода.

¹³ Источники. С. 234.

¹⁴ НПЛ. С. 378–379; ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 338–339. Следует заметить, что уже в новгородском владычном летописании второй четверти XV в. намечена тенденция представить главным, если не единственным, центром движения стригольников Псков. В НПЛ отсутствует сообщение о казни вождей стригольников в Новгороде в 1375/1376 г., а в НIV оно, вероятно, попало из общероссийского свода, составленного при митрополите Фотии и отразившегося в Софийской I летописи.

¹⁵ РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 205.

¹⁶ Б. М. Клосс отмечает, что в Новгородской V летописи отразился не дошедший до нас летописный источник, давший ряд дополнительных сведений за конец XIV — начало XV в. [Клосс, с. 33]. Вероятно, сообщение о поездке Дионисия в Псков в этом своде также восходит к более раннему новгородскому источнику.

¹⁷ «Прииде изо Царяграда в Новъгород Великий Дионисей епископ Суждальский... поучаа закону Божию по священным правилам и по Божественным писанием, укрѣпляя отъ соблазнъ и от ереси стригольниковъ» (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 70).

Прибыв в Псков, Дионисий дал Снетогорскому монастырю грамоту о соблюдении в нем общежития, а всему городу — уставную грамоту¹⁸ (обе были отменены митрополитами Киприаном и Фотием соответственно в 1395 и 1418 г.¹⁹). О том, как Дионисий утверждал в Пскове «правoverную веру», достоверно ничего не известно. Можно лишь предполагать с большой долей вероятности, что архиепископ, имея с собой кормчую²⁰, вел со стригольниками полемику о значении тех или иных норм канонического права, в нарушении которых стригольники обвиняли церковь (прежде всего связанных с вопросом о ставленнических пошлинах). Следует также отметить, что после визита Дионисия в Пскове разворачивается интенсивное церковное строительство: за шесть лет (до 1388 г.) были построены или заложены восемь новых каменных церквей, из них три в 1383 г., две в 1384 г. и по одной в 1385, 1387 и 1388 г.²¹ Однако было ли это частью реализации программы возвращения стригольников в лоно церкви, сказать трудно²². С уверенностью можно утверждать лишь то, что миссия патриаршего экзарха, вопреки сообщению Иосифа Волоцкого, была безуспешной: вернуть стригольников в лоно церкви путем убеждения не удалось²³.

Продолжительность существования стригольничества именно в Пскове во многом может объясняться особыми взаимоотношениями, сложившимися в этом городе (не имевшем, как известно, до 1589 г. своего епископа) между мирянами и духовенством. Соборная организация последнего имела функции самоуправления и находилась в непростых отношениях с вечем. Об этом свидетельствуют послания в Псков русских архиереев. Так, митрополит Киприан в 1395 г.

¹⁸ В 1395 г., пребывая в Новгороде, Киприан узнал, что «владыка суждальский Денисей списал грамоту, коли быль въ Псковѣ, а приписалъ к грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да въписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ино то Денисий владыка не свое дѣло делалъ, не по закону и не по правиломъ... А что въписал проклятіе и неблагословеніе патриарше, а то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ: то был суждальский владыка, а дѣялъ то в мятежное время, а патриархъ ему того не приказалъ дѣяти» (РИБ. Т. 6. № 28. Стб. 233–234). Очевидно, в послании митрополита имеются в виду некие добавления, сделанные Дионисием к Псковской судной грамоте (далее — ПСГ). Под «мятежным временем» Ю. Г. Алексеев склонен понимать период обострения борьбы церковной иерархии со стригольниками; приписки к «грамоте Александрове», по мнению исследователя, «отражали известный компромисс между борющимися сторонами» [Алексеев, 1997, с. 130]. Но Киприан, конечно же, в данном случае имел в виду «мятеж в митрополии» после смерти митрополита Алексия († 1378), в котором сам был одним из ключевых действующих лиц. Склонность Дионисия к компромиссам в церковной сфере, как показывает вся его деятельность, также крайне маловероятна, тем более в отношении «отлучившихся... церкви». Учитывая тесное сотрудничество Дионисия в 1382–1383 г. с новгородским архиепископом Алексием, первый из них должен был способствовать укреплению в Пскове полномочий второго. Неприязненно относившийся к Алексию, при котором Новгород не признал его главой русской церкви и отказал митрополитам в традиционных судебных полномочиях, Киприан в 1395 г. велел псковичам уничтожить приписную грамоту связанного с Алексием нижегородско-суздальского архиепископа (полномочия которого как патриаршего экзарха он не признавал и был, вероятно, причастен к задержанию Дионисия в Киеве в 1384 г.). Думается, что приписки Дионисия должны были касаться исключительно вопросов церковного, а не светского суда (только такого рода постановления и мог отменить Киприан). В дошедшем до нас тексте ПСГ есть лишь один фрагмент, имеющий отношение к церковному суду, — ст. 109 (107), посвященная подсудности псковского духовенства владычному наместнику, к тому времени избираемому из псковичей, нередко мирян. Однако установить ее составление в связи с деятельностью Дионисия не представляется возможным.

¹⁹ См.: РИБ. Т. 6. № 28. Стб. 205–210, 233–236; № 46. Стб. 392–393.

²⁰ В Снетогорском монастыре Дионисий поучал монахов, «възрев в Номоканонѣ, во правила святыхъ отецъ» (РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 206). Патриарх Нил ценил в Дионисии хорошее знание канонического права. В Константинополе суздальский владыка показал «святыхъ божественныхъ канунъ разумъ» (Там же. № 23. Стб. 199). В послании в Новгород Нил характеризовал Дионисия, в частности, как «священныхъ канонов... хранителя» (Источники. С. 234).

²¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 29, 106. Следует отметить освящение одной из них в 1382/1383 г. (в год визита Дионисия) в честь Сошествия Святого Духа (в Довмонтовой стене), в то время как полемика со стригольниками велась по вопросу о благодатности современного священства. Одна из церквей, заложенных в 1383 г., «святого Николая над Греблею», стала третьим псковским собором, учрежденным в 1417 г., в начале активной борьбы псковского духовенства против стригольников (Там же. С. 36).

²² Подобная интенсивность строительства наблюдалась и в 1370–1373 г., когда были построены шесть каменных церквей (Псковские летописи. Вып. 2. С. 28–29, 105).

²³ В 1384 г. в Псков отправился сам архиепископ Алексий (Псковские летописи. Вып. 1. С. 24). Никаких подробностей пребывания там архиепископа источники не сообщают, но возможно, что помимо традиционного «подъезда» (сбора судебных и прочих пошлин) эта поездка была вызвана осознанием неудачи Дионисия и желанием если не решить проблему, то ознакомиться с ней «на месте».

обвинял псковичей в том, что они постоянно вторгаются в сферу церковного права: «Что есмь слышалъ, ажъ въ Псковѣ мiряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ в церковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ хрестыаньскаго закона: не годится мiряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ святитель, но тѣ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ»²⁴. Таким образом, псковичи позволяли себе судить, наказывать и поучать представителей духовенства, в том числе применяя нормы канонического права. В качестве примера Киприан приводит дела о второбрачии овдовевших священников, которое псковичи пытались запретить, опираясь, видимо, на 17-е апостольское правило, прямо запрещающее такую практику²⁵.

Судя по грамоте Киприана, псковичи не обращались ни к новгородскому архиепископу, ни к владычному наместнику в Пскове. О том, что подобная практика вмешательства веча в духовные дела продолжалась и впоследствии, свидетельствует, в частности, и одна из грамот митрополита Фотия: «и о том слышал есмь, как туто уничижение и понос на чин великаго Божия священства, и како судят вас: где вам что взяти, или кто поклепет вас, и велят вам облещи себе во всю одежду священническую, и таковою ротою (то есть с приведением к крестному целованию. — М. П.) судят вас»²⁶. Характерным примером являются события 1495 г., когда псковичи «учали сильно дѣяти над священники, и лазили многожды на сѣни и в вѣчи и опять у вѣче влѣзли и хотели попов кнотом избесчестовати (имеется в виду, очевидно, «торговая казнь». — М. П.), Ивана священника рожественьскаго и Андрѣя, и в одних рубахах стояли на вѣчи, и иных всѣх попов и дьяконов изсоромотиша»²⁷. Подобные факты, конечно, не могли не подрывать авторитет священнослужителей среди мирян.

О непокорении многих псковичей своему приходскому духовенству писал в своем поучении новгородский владыка Симеон, посетивший Псков в 1419 г.: «Сынове, честь воздавайте своему святителю и отцемъ своимъ духовнымъ, наставникомъ вашего спасенiя, со всякимъ покоренiемъ и любовiю, не пытающе от нихъ ничто же, ни вопреки глаголюще наставникомъ своимъ, но смотрити сами себя и укоряйте сами себя»²⁸. В посланиях в Псков 1410–1419 г. митрополит Фотий писал о том, что некоторые псковичи сами берут на себя функции священников и крестят детей, другие «живут безъ покаанiя, а отца духовнаго не держать, аще и к церкви приходять» и

²⁴ РИБ. Т. 6. № 27. Стб. 231. Ср. в «Списании» Стефана Пермского: «Аще ли речете: “Се многи собирают именья”, то не вы, стригольники, судите им: судятся от Бога, или от большаго святителя» (Источники. С. 241).

²⁵ РИБ. Т. 6. № 27. Стб. 231–232; см. также: Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876. С. 42. Это известие источника конца XIV в. ставит под сомнение точку зрения М. В. Корогодиной, что в Пскове до 60-х годов XV в. Кормчая как таковая известна не была, поскольку «кормчие книги в этот период — прерогатива владык, а в Пскове владыки никогда не было», а также что в кормчих того времени не было правил о вдовых клириках [Корогодина, с. 257, 268–272]. В Пскове XIV–XV в. существовал институт владычного наместника, который при осуществлении своих судебных полномочий по делам духовенства вряд ли мог обойтись без Кормчей. Видимо, речь должна идти лишь о появлении в 60-е годы XV в. псковского извода Русской редакции Кормчей, хорошо исследованного М. В. Корогодиной. А. И. Алексеев полагает, что вопрос о второбрачии вдовых священников был ключевым при формировании стригольнического движения, поскольку был тесно связан с проблемой симонии — попы-вдовцы получали ставленные грамоты у архиепископа «на мзде» (см.: [Алексеев, 2008; Алексеев, 2012, с. 131–144]). О роли вопроса о «вдовых попах» в истории стригольничества судить трудно, поскольку его ни разу не поднимают церковные иерархи в полемике со стригольниками, и вообще эта проблематика, судя по дошедшим до нас источникам, характерна для конца XIV — начала XVI в., а не для времени формирования стригольнического движения (не позднее второй половины 70-х годов XIV в.). Она волновала псковичей, как справедливо пишет А. И. Алексеев, в связи с «претензиями овдовевших попов, стремившихся сохранить свое положение в клире, и с возникшей конкуренцией со стороны новых ставленников, которых могли выдвигать прихожане, желавшие быть уверенными в действенной силе таинств и треб» [Алексеев, 2012, с. 138]. Однако стригольники изначально отвергали не какую-то часть духовенства, которую они считали недостойной по причине симонии (они ее видели в практике ставленнических пошлин), а весь «священнический чин», от патриарха до низших клириков (Источники. С. 232–233, 238–239), ведь ставленнические пошлыны платили архиереям при поставлении не только вдовые священнослужители, а все кандидаты в иереи и диаконы, что было регламентировано и санкционировано Владимирским собором 1273 г. (РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 92).

²⁶ Источники. С. 248.

²⁷ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 81–82.

²⁸ РИБ. Т. 6. № 47. Стб. 401–402; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 424–425.

тем самым «сами отлучишася стада Христова словесных овец»²⁹. Митрополит призывал не сообщаться с такими в еде и питье, не принимать от них приношения в церковь³⁰ — те же меры воздействия, как увидим, он призывал применять и против стригольников. Невысокий авторитет духовенства не мог не способствовать стригольнической проповеди, по которой «учити» следует и «простому человеку», не имеющему священного сана³¹.

«Нестроения» в конце XIV — первой четверти XV в. происходят и в среде псковского монашества. В послании архиепископа Симеона в Снетогорский монастырь (1419 г.?) читаем, что некоторые монахи, выйдя из монастыря, поднимают на игумена и старцев мирских людей и судей³². Схожие сведения содержит послание в тот же монастырь митрополита Фотия от 27 июня 1418 г.: если монах выйдет из монастыря, «а иметь мѣрскими людьми крамолу въздвизати на настоятеля духовнаго... и на братію: а о таковыхъ убо мѣрскимъ, по правиломъ, възбраняемъ творити и въ таковыя вещи иночьскыя вѣступатися; понеже несть имъ предано и разсужения имѣти въ таковыхъ мѣстѣхъ»³³. Симеон писал, что, по полученным им сведениям, в Снетогорском монастыре монахи «живутъ не по чернечьскы, духовника не держать, а у игумена и у старцевъ не въ послушаніи»³⁴. Фотий также из послания игумена и старцев этой обители узнал о «непотребныхъ иноцѣхъ», которые «божественнаго и животворящаго Тела и честныя Крове, с благою совестію не приступающе покаанно и не пріимающе, такожь и къ святой дорѣ не приступающе и къ хлѣбу Пречистыя...»³⁵. Вряд ли следует видеть в приведенных фактах влияние стригольнической проповеди, как полагал ряд исследователей [Казакова, Лурье, с. 70–71; Клибанов, с. 173–174; Рыбаков, с. 37]. В основе указанных фактов скорее лежит приверженность монахов к традиционным особножитийным порядкам псковских монастырей, что вело к нарушению вводимого с 1382/1383 г. общежитийного устава³⁶. Но в своем протесте против киновии монахи могли найти некоторое сочувствие у стригольников. Ведь именно в общежитийных монастырях вводилась практика поминаний за денежные и земельные вклады, причем наиболее активно именно на рубеже XIV–XV в. [Алексеев, 2002, с. 135–137, 146]³⁷. Между тем основатель стригольнического движения Карп активно выступал против поминального культа, в том числе подушных вкладов: «Не достоит де над мертвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни принося за умершаго приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго»³⁸. Стригольники обвиняли современное им духовенство (не только белое, но и черное³⁹) в стяжательстве: «не достойны де их службы, яко

²⁹ РИБ. Т. 6. № 34. Стб. 286; № 48. Стб. 410.

³⁰ Там же. № 48. Стб. 410.

³¹ Источники. С. 240.

³² РИБ. Т. 6. № 45. Стб. 389–392.

³³ Там же. № 46. Стб. 400.

³⁴ Там же. № 45. Стб. 389.

³⁵ Там же. № 46. Стб. 399.

³⁶ Как отмечал А. И. Никитский, «существование частной собственности в монастырях давало повод мирянам вмешиваться в церковные дела и приготавливало таким образом для церкви немалые затруднения: имущество, оставшееся по смерти монаха, делалось яблоком раздора между монастырем и наследниками первого... и влекло за собою в дальнейшем вмешательство светской власти» [Никитский, 1873, с. 206–207; см. также: Серебрянский, с. 231–234]. Имущественные конфликты с монастырскими властями имели место и при изгнании, расстрижении монаха или переходе его в другой монастырь. По всей видимости, именно вследствие конфликтных отношений в Снетогорском монастыре в первой четверти XV в. его покинул ревностный сторонник монастырского общежития прп. Евфросин Псковский, о чем, впрочем, в своем уставе предпочел прямо не упоминать (см.: [Серебрянский, прил. 1, с. 508]).

³⁷ Как отметил А. И. Алексеев, особножитийные монастыри не могли быть заинтересованы в развитии поминальной практики, поскольку доходы за годичное поминовение доставались священнослужителям, которые часто были приглашаемы со стороны» [Алексеев, 2002, с. 173].

³⁸ Источники. С. 241.

³⁹ Среди тех, кого «оклеветал» Карп, Стефан Пермский называет и игуменов (Источники. С. 237).

(не)⁴⁰ нестяжаша, но имения взимают у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя», «ядят и пьют с пьяницами, и взимають от них золото и серебро и порты, от живых и от мертвых». Характерно добавление Стефана, обращенное к стригольникам: «и такими злыми окаянными словесы прельщаете народ»⁴¹. Понятно, что золотые и серебряные вещи, а также «порты» (то есть, очевидно, дорогие предметы одежды) могли позволить себе дать вкладом за поминальные службы только обеспеченные слои псковского общества⁴². У остальных умножение церковных имуществ при видимом преобладании обмирщенного образа жизни духовенства не могло не вызывать раздражения, что было на руку стригольникам, выступавшим, как показал А. И. Алексеев [Алексеев, 2002, с. 142; Алексеев, 2004, с. 31; Алексеев, 2012, с. 192–203], за возвращение к прежней религиозной практике. Следует отметить относительно раннее распространение в Псковской земле практики подушных вкладов⁴³.

Основной корпус сведений о псковском стригольничестве находится в четырех посланиях митрополита Фотия в Псков, написанных в 1416–1427 г., из которых три были полностью посвящены борьбе против этого движения и одно, дошедшее до нас без указания даты, — частично⁴⁴.

Первое из этих посланий датировано 23 сентября 1416 г. Из него мы узнаем, что псковское соборное духовенство направило грамоту митрополиту в Москву, в которой сообщило о существовании в Пскове «отлучающихся божия закона и православия, зовомых

⁴⁰ Добавлено по смыслу.

⁴¹ Источники. С. 239–240.

⁴² Характерна сохранившаяся в подлиннике на пергамене духовная грамота 1417–1421 г. псковской княгини Акилины, жены князя Федора Александровича Ростовского. Половину одной своей вотчины и половину мельницы княгиня завещала «Успенью святеи Б(огоро)д(и)нци в манастырь попомъ на вседенноюу службу». Своему духовному отцу Захарюю она оставляла неопределенную золотую вещь «на Евангелъе Успенью святеи Б(огоро)д(и)нци в манастырь», а также «полтора роубля серебръ за сорокооуст». Еще несколько дворов она велела «продати собе на память». Характерно распоряжение предметами одежды: «А шничи свои и приворотъки, а то даю по своей д(у)ши за сорокооустя, а подволокою свою камчатоую даю Успенью св(я)теи Б(огоро)д(и)нци в манастырь на престоль... А платъе свое белое велю моужеви своему Федору и о(т)цю своему д(у)ховному и Матфею раздати в м(илос)т(ы)ню» [Марасинова, с. 73, № 33].

⁴³ См.: Псковские летописи. Вып. 1. С. 21–22; Вып. 2. С. 100–102; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 282–283 (под 1352 г.). Распоряжения о посмертном поминании в монастырях содержит целый ряд псковских духовных XIV–XV в. (см.: ГВНП. № 344. С. 329; [Марасинова, № 8, с. 52; № 14, с. 56–57; № 15, с. 57; № 34, с. 74]). Л. М. Марасиновой было отмечено, что «псковская земля в XIV–XV в. представляла собой пеструю мозаику мелких и мельчайших участков земли, принадлежавших различным владельцам», при этом особенностью псковского землевладения этого времени было «значительное развитие церковного и монастырского землевладения», которое преобладало над светским [Марасинова, с. 141, 147–148].

⁴⁴ О реконструкции стригольнического мировоззрения по грамотам Фотия см. подробнее: [Никитский, с. 109–110, 120–124; Печников, 2005, с. 224–226, 228–229, 232–235]. Э. А. Гордиенко допустила ряд неверных трактовок сведений посланий Фотия о стригольниках, что привело к искаженному пониманию сущности этого религиозного движения (см.: [Гордиенко, с. 47–49]). Июльский том Великих Миней Четых РНБ. Соф. 1323 (2-я четв. XVI в.) Э. А. Гордиенко почему-то датирует XV в. и делает странный вывод, что «инвективы владыки (Фотия. — М. П.) были обращены не только к псковичам, но и к новгородцам, над которыми нависала та же опасность инакомыслия и нарушения православного обряда». Стремясь доказать свою точку зрения на стригольников как на отступников в иудаизм (то есть «жидовствующих»), исследовательница пишет, что Фотий говорил о стригольниках «израильские они люди». На самом деле эти слова читаются в небольшом отступлении на библейскую тему из второго послания митрополита в Псков 1427 г.: «и преже убо пространне о семь писах вашей любви, еже того общаго врага дьявола поучение бысть, еже како нашего праотца Адама из рая изгнана показа, и того же запятием Иуду ученика предателя Сыну Божию введе, и того же паки запятием израильтескыя они люди той враг дьявол на своего Творца шататися створи» (Источники. С. 254). Совершенно очевидно, что здесь перечисляются дела дьявола, а не дается характеристика стригольническим взглядам. То же касается послания 1416 г., в котором, согласно исследовательнице, Фотий называет стригольников «иудеями окаянными»: стригольники упорствуют и не желают вернуться к православию, «якоже иудеи окаяннии и помрачении окаменени своими сердци, их же расточи Господь и не да им страны, наследия, язык, но и мука без конца есть» (Там же. С. 246). Понятно, что Фотий обвиняет стригольников не в иудаизме, а в нежелании покаяния.

стригольников»⁴⁵. Само обращение псковичей непосредственно к митрополиту, минуя новгородского владыку, характерно для первой половины XV в., когда вплоть до 1447 г. отношения Пскова с архиепископом были крайне сложными из-за ограничения судебных, податных и административных полномочий последнего.

В другой адресованной в Псков грамоте Фотия, составленной в тот же день, митрополит пишет: «а что ми, сынове священници, пишете свою грамоту, съ своими (съ)служебники, съ попы, о церковных дѣлѣхъ, хотяще съ желаніемъ разсуженіе пріяти извѣстно по правилному извѣщенію, отъ нашего смиренія...»⁴⁶. Таким образом, псковское духовенство желало узнать мнение митрополита по ряду церковных вопросов, в том числе и о стригольничестве, с приведением соответствующих церковных канонов (правил), что и делает Фотий в указанных грамотах 1416 г. (он пишет «не отъ себе, но отъ божественныхъ правилъ»⁴⁷).

Грамоту псковского духовенства в Москву привезло упоминаемое в грамоте Фотия от 24 сентября 1416 г. боярское посольство во главе с посадниками Якимом и Василием⁴⁸. Оно же, видимо, и доставило три сентябрьские грамоты митрополита в Псков (в конце этого послания Фотий пишет, что не успел переписать все правила, которые хотел: послам «лучилося... ехати наборзе»⁴⁹).

Возможно, существование стригольничества вызвало особое беспокойство Фотия, поскольку он узнал о нем вскоре после образования Литовской митрополии, разделившей прежде единую русскую церковь на две части. Поставившие в 1415 г. митрополитом Григория Цамблака западнорусские епископы в качестве главной претензии к московской митрополии выдвигали «симонитьскую ересь», когда «купуется и продается даръ Святаго Духа» (в этом обвиняли церковь и стригольники)⁵⁰. В своем окружном послании 1415–1416 г. Фотий обвиняет западнорусских епископов в расколе и в качестве подтверждения своей позиции приводит, в частности, и те каноны, что цитируются им в первом послании против стригольников⁵¹.

Можно говорить о двух редакциях антистригольнического послания Фотия 1416 г. Старший список грамоты содержится в «митрополичьем формулярнике» начала XVI в. (ГИМ. Синод. 562. Л. 319–324). Этот текст условно можно считать первой редакцией. Он подвергся существенной правке, отразившейся в списке ГИМ. Синод. 280. Л. 436–439 (по верхней пагинации)⁵². Этот сборник, окончательно сложившийся в 20-е годы XVI в. [Клосс, с. 34–35], содержит, в частности, Хронографический список Новгородской V летописи. На различии двух редакций необходимо остановиться хотя бы потому, что они касаются тех мер, которые предлагались Фотием для искоренения стригольничества.

⁴⁵ Источники. С. 243. Тот факт, что о стригольничестве Фотий узнал только на седьмом году своего пребывания на митрополичьей кафедре, лишней раз свидетельствует о малой распространенности движения и о его локализации к тому времени исключительно в Пскове. В 1412 г. в Москву приезжал новгородский архиепископ Иоанн, а 22 марта 1416 г. Фотием был хиротонисан новый архиепископ Самсон-Симеон, бывший чернец Хутынского монастыря (НПЛ. С. 403, 406; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 536; ПСРЛ. Т. 42. СПб, 2002. С. 174). Однако, судя по всему, об отпавших от церкви в Новгородской епархии ни в одном, ни в другом случае речи не было. Когда в 1418–1419 г. при митрополичьей кафедре создавался общерусский летописный свод (Свод Фотия), отразившийся в Софийской I летописи старшего извода (см.: [Бобров, с. 128–160]), в него было включено сообщение о казни стригольников в 1375/1376 г., по-видимому, заимствованное из не дошедшего до нас новгородского летописного свода начала XV в. Но это было, конечно, не причиной, а следствием интереса Фотия к данной проблематике, вызванного обращением псковского духовенства.

⁴⁶ РИБ. Т. 6. № 43. Стб. 376.

⁴⁷ Там же. № 44. Стб. 385.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Стб. 387.

⁵⁰ Там же. № 38. Стб. 313, 314.

⁵¹ Там же. № 39. Стб. 340–356; РФА. 2008. № 125. С. 419–436.

⁵² Например, в Синод. 562 во фразе «тии окааннии на пагубе токмо себе исходотаивши и огонь вечный себе приобретше» (л. 319 об.) последние два слова зачеркнуты; в Синод. 280 они отсутствуют.

У двух редакций различаются вступительная и заключительная части⁵³, на протяжении всего текста наблюдаются многочисленные расхождения в написании отдельных слов и фраз (перестановка или замена слов, их сокращение или добавление). Но все эти отличительные особенности Хронографического списка не носят существенного характера. Суть изменений, внесенных редактором, состоит в замене многих церковных канонов, цитируемых митрополитом Фотием. Толкование Аристина на 31-е апостольское правило о водружении особых жертвенников не приводится полностью, а кратко пересказывается (Л. 436 об.). Значительно отличается текст 5-го правила Антиохийского собора⁵⁴ — отсутствует санкция на выдачу светским властям с целью смертной казни отлученных от церкви и раскалывающих церковь. Несколько различаются в двух списках и цитаты из 13-го правила так называемого Перво-второго собора и 6-го правила Гангрского собора. В Синод. 280 отсутствуют цитаты из отцов церкви с определением понятия «церковь» («храм»), вместо цитаты из 10-го правила Карфагенского собора наличествует краткая передача его смысла. В конце фрагмента, содержащего значительные разночтения с «митрополичьим формулярником», в Синод. 280 приводятся слова епископов Аликия и Валентина Нумидийских, дополняющие основной смысл приведенных канонов о творении «крамолы» на своих епископов (Л. 437 об. — 438). В Синод. 562 эти слова отсутствуют. Наконец, внесены изменения и в текст, содержащий ссылки на церковные правила о поставлении священников, при этом добавлены ссылки на некий «устав... от древних изложен» и на закон императора Юстиниана о ставленнических пошлинах (Л. 438—438 об.).

Как показал Б. М. Клосс, в составлении особой редакции послания Фотия в Псков 1416 г. в Синод. 280 принимал непосредственное участие митрополит Даниил [Клосс, с. 35, 69—70]. Правка рукой Даниила присутствует главным образом на полях, над строкой, редко — в строке. Именно из списка Синод. 280 грамота Фотия от 23 сентября 1416 г. была внесена (опять-таки без указания даты и места написания) в Сводную кормчую РГБ. Унд. 27 (Л. 357 об. — 361 об.), составителем которой был Даниил. В основной текст списка Сводной кормчей включены все исправления, внесенные редактором Хронографического списка.

Интересующее нас послание Фотия сохранилось и в новгородско-псковской рукописной традиции. Список послания в сборнике новгородского архиепископа Макария конца 20-х годов XVI в. (РГБ. Рум. 204. Л. 406—412) преимущественно следует тексту первой редакции, то есть Синод. 562. В нем отсутствуют следы правки, осуществленной редактором Хронографического списка. Но в списке макариевского кодекса присутствуют и разночтения с основным списком первой редакции, причем складывается впечатление, что текст переписывался не из «митрополичьего формулярника», а из другого, более исправного списка («имею» вм. «имую», «зовомых стригольниках» вм. «зовомых стригольником»; слова «собе приобретше», зачеркнутые в Синод. 562 и исключенные из Синод. 280, в Рум. 204 читаются).

⁵³ Это не было отмечено издателем послания Я. С. Лурье, который, публикуя его по Синод. 562, привлекал Синод. 280 для вариантов (см.: Источники. С. 243). Не приведено исследователем и оригинальное заглавие грамоты в данном списке: «Послание пре(о)с(вя)щеннаго Фотея митрополита всеа Руси о ра(з)кола(х) ц(е)рковны(х) и о проторех на поставленияхъ» (ГИМ. Синод. 280. Л. 436). Приводим оригинальную часть вступления (с вводом в строку сокращений и выносных букв, до общих с Синод. 562 слов «Волюбленаа чада о Г(оспод)и, посадници и тысяцкии, и вси с(вя)щеннический и иноческий чинове, и вси х(рист)оименитии лю(ди)е, живущии в б(о)госп(а)с(а)емем граде державы псковския и во всех пределе(х) его. Н(а)ше убо смирение многу веру и ползу д(у)шевную слышавше о бл(а)гочестии ваше(м), но иже слыша(х) о(т) писания ваши(х) с(вя)щенников, слыша(х) же и възрадова(х)ся. О о(т)лучающи(х) же ся Б(о)жиа закона и православия, зовомы(х) стригольник(в), смути(ся), чада моя, скорбью с(е)р(д)це мое...» (Там же). С текстом списка Синод. 562 здесь совпадает только одна фраза: «слышах от писания ваших священник от отлучающихся божия закона и православия, зовомых стригольниках» (Источники. С. 243). Вступительная часть послания в данной редакции носит вторичный характер. Свойственное начальному протоколу грамот Фотия *Intitulatio* («Благословение Фотеа...») отсутствует, довольно неловко вставлена фраза «слышах же и възрадовахся». В конце послания в Хронографическом списке отсутствуют сведения о месте и времени написания грамоты (Л. 439).

⁵⁴ Со ссылки на данный канон текст обеих редакций различается наиболее сильно (см.: Источники. С. 244—245).

В Рогожской кормчей (РГБ. Рог. 256, 20–40-е годы XVI в., л. 689–694), псковской по происхождению [Щапов, с. 231], самое начало грамоты 1416 г. не сохранилось (нач.: «...смирения. Много уверение и ползу душе иную (вместо “душевную”. — М. П.) имею...» (Л. 689)). Здесь также находится первая редакция послания 1416 г., причем разночтения с Синод. 562 совпадают с Рум. 204. В кормчей Рог. 256 на л. 687 об. — 730 содержатся те же 14⁵⁵ посланий митрополитов Киприана и Фотия и архиепископа Евфимия II в Псков и Новгород, что и в Рум. 204, что заставляет предполагать общий протограф (скорее всего, псковский) двух сборников в этой части. Таким образом, списки Рум. 204, Рог. 256, а также восходящие к первой из этих рукописей два списка Великих Миней Четых, содержащие послания Фотия (РНБ. Соф. 1323. Л. 350–351 об. и ГИМ. Синод. 996. Л. 621–623 об.), представляют собой особый новгородско-псковский вид первой редакции рассматриваемого послания.

Остальные грамоты Фотия не претерпели существенных редакционных изменений; в Хронографическом списке и Сводной Кормчей они отсутствуют, Синод. 562 и Рум. 204 / Рог. 256 содержат незначительные разночтения.

Три из четырех грамот Фотия против стригольников содержат точные даты своего составления (23 сентября 1416 г., 22 июня и 23 сентября 1427 г.). Лишь одна грамота не датирована годом или индиктом, имеется лишь указание на число и месяц — 24 сентября и место ее написания — Москва⁵⁶. Ясно лишь, что эта грамота была написана не раньше 1417 г., когда в Пскове был учрежден собор св. Николы⁵⁷, упоминаемый в послании. Е. Е. Голубинский полагал, что эта грамота была последней, написанной митрополитом по поводу стригольничества. Историк датировал ее 1429 г., ибо только в этом году из последних трех лет жизни Фотия он был 24 сентября в Москве [Голубинский, с. 406–407, примеч. 4]. Мнение Е. Е. Голубинского приняли А. В. Карташев и Б. А. Рыбаков [Карташев, с. 488; Рыбаков, с. 12]. Однако при сравнении текстов этой грамоты и двух грамот 1427 г. ничто не свидетельствует, что первая была написана позднее последних; в ней ничего не говорится о предпринятых не позднее 1427 г. светскими и церковными властями Пскова гонениях на сектантов. Издатели грамоты А. С. Павлов⁵⁸ и Я. С. Лурье⁵⁹ датировали послание 1422 или 1425 г. — по годам эпидемий («морю») в Пскове, отмечаемых в летописях⁶⁰, в то время как в грамоте Фотия также упоминаются «божьи казни смертоносные». Между тем имеется возможность датировать эту грамоту более определенно. В ней Фотий пишет о «божьих казнях» как «на ны належащих»⁶¹, то есть в данный момент и не только на псковичей, но и на то место (Москву), откуда писал митрополит. К 2 февраля 1426 г. относится специальное послание Фотия в Псков по поводу избавления от морового поветрия, которое, по словам митрополита, было не только в Псковской земле, но и в Москве, Твери и других городах Северо-Восточной Руси⁶². В Пскове мор продолжался «от Ильина дни до Крещения Господня», то есть с 20 июля 1425 г. по 6 января 1426 г.⁶³ Это позволяет датировать интересующее нас послание Фотия 24 сентября 1425 г.

Эта грамота сохранилась, помимо вышеуказанных списков XVI в., также в двух списках XV в. Это, во-первых, обнаруженный А. И. Алексеевым список Кормчей Мясниковской редакции РНБ. Ф.П.80. Л. 671–673 (80–90-е годы XV в.), который исследователь считает

⁵⁵ Поскольку послание Фотия 1416 г. о стригольниках помещено без заголовка, Я. Н. Щапов ошибочно указывал общее число грамот 13 [Щапов, с. 230].

⁵⁶ Источники. С. 251.

⁵⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 36.

⁵⁸ РИБ. Т. 6. № 51. Стб. 427–428.

⁵⁹ Источники. С. 247.

⁶⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 34, 35; Вып. 2. С. 37–38, 40.

⁶¹ Источники. С. 250.

⁶² РИБ. Т. 6. № 53. Стб. 467; ср.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 52.

⁶³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 40.

самым ранним из сохранившихся [Алексеев, 2012, с. 73, 78]. Однако еще старше не учтенный А. И. Алексеевым список происходящей из Пскова так называемой Тихомировской кормчей (ГПНТБ СОАН. Собр. Тихомирова. № 539, без пагинации), восходящей, как и список Рог. 256, к Псковскому изводу Русской редакции Кормчей. М. В. Корогодина, проведя тщательное исследование рукописи, датировала ту ее часть, где находятся два послания Фотия (помимо указанного, это еще одно послание от 23 сентября 1416 г., но посвященное не стригольничеству, а ряду других церковных проблем), 60-ми годами XV в. [Корогодина, с. 269–271]. Таким образом, послание 1425 г. в этом сборнике является старшим списком всех сочинений, направленных против стригольничества. Раздел о нем имеет в этом списке особый, выделенный киноварью подзаголовок «О еже не даяти стригольником освященных».

Грамоты митрополита Фотия в Псков 1416–1427 г. не оставляют сомнений в том, что главным противником сектантов и инициатором борьбы с ними в Пскове было именно белое соборное духовенство. Две первые грамоты на эту тему были написаны митрополитом в ответ на послания псковского духовенства; послания адресованы «всему священническому и иноческому чину»⁶⁴; к священникам он в ряде случаев обращается прямо («да и о сем же, Господни священницы, смотрите», «потщитесь себе вы, священницы Господни»)⁶⁵.

Особого упоминания заслуживает то, что в послании 1425 г. говорится о священнике Иове, посланном псковским духовенством к митрополиту для разрешения ряда вопросов, в том числе о стригольниках («писали ко мне с своим братом священником попом Иевом», «слышах от попа Иова»⁶⁶). Между тем, как известно из «Повести об аллилуйе» конца XV – начала XVI в. (ранний вариант Жития прп. Евфросина Псковского), некий Иов был довольно видной и энергичной фигурой в Пскове XV в.: он «извыче много повествовати и многу протолкуя силу книжную... Все люди, купно же и священницы и причет церковный, прихождаху к нему вопрошати от него о всяком писании неразрешенем и о церковном устроении, купно же о законных вещех». От псковичей Иов получил прозвище «Столп», поскольку в их глазах он был «философ... яко столп церковный, благочестию подръжаше крепость и тверд учитель, православию наставник»⁶⁷. Этот священник (впоследствии, согласно враждебно настроенному к нему агиографу, якобы «распоп», оставивший сан ради повторной женитьбы) был оппонентом прп. Евфросина Псковского в знаменитом псковском «споре» о двоении или троении аллилуйи. Н. И. Серебрянский относил этот спор к 1453–1458 г. [Серебрянский, с. 258].

Однако, учитывая упоминание в Повести константинопольского патриарха Иосифа II (1416–1439 г.)⁶⁸, к которому обращался по данному вопросу Евфросин, дату рождения преподобного – 1386 г., а также отмеченный А. И. Клибановым факт, что уже в послании 1419 г. псковскому духовенству митрополит Фотий выступил за троение аллилуйи⁶⁹, трудно сомневаться в том, что полемика началась раньше, очевидно, уже к концу 10-х годов XV в., то есть примерно в тот период, когда псковичи обратились к митрополиту по стригольническому вопросу. Поэтому оппонент Евфросина Иов Столп вполне мог являться одним из активных участников борьбы псковского духовенства со стригольничеством в конце 10-х – 20-е годы XV в. Согласно Повести, именно Иов объявил Евфросина еретиком и врагом Божиим, настроив против него горожан⁷⁰. Не исключена такая же его роль и в отношении стригольников.

⁶⁴ Источники. С. 243, 247–248, 251, 253–254.

⁶⁵ Там же. С. 243, 248, 250, 252, 253.

⁶⁶ Там же. С. 248, 251.

⁶⁷ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. 2. С. 54, 55. Двух Иовов в своих работах отождествляли также А. И. Клибанов [Клибанов, с. 174] и Н. К. Голейзовский [Голейзовский, с. 138–139]. См. также: [Алексеев, 2012, с. 137–138].

⁶⁸ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 2. С. 66.

⁶⁹ РФА. 2008. № 137.1. С. 497.

⁷⁰ «Нача ходити яко проповедник по всему граду... не токмо убо бяше по вечищем их велегласно вопиа, и глаголя, и проповедяя всему градскому народу, яко еретик есть и враг Божий онъсица. Но и проходя паче тръжища и сонмища, таже и позорища, купно же и по беседамъ седалищным, сице паки и по пировным вечерам възмуца и колебая, всего града все множество безчисленное народа в гнев прелагая, движущи их, да възненавидин будет до конца ими святыи старецъ, еже и бысть тогда сицево» (Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 2. С. 57, 68–69).

В связи с этим необходимо остановиться на тех мерах к преодолению раскола, которые предлагало церковное руководство. В грамоте 1416 г. митрополит прежде всего призывает к убеждению стригольников, а в случае неудачи этой меры грозит отлучением их от церкви («мы же прежде взываем таковыя на обращение к съединению тех, иже раздор творящих церкви Божии: аще ли же не обратятся, но пребывают безъстудно в своем развращении, сих проклятию предаем, и яко же гнилый уд от здраваго тела от церкви Христовы отсекаем»; «тех омраченных очесы и ушесы уверяйте и наказайте ко истинному пути»⁷¹). Однако митрополит не случайно адресовал свои грамоты в том числе и должностным лицам вечевой республики. Уже в первом послании в цитируемых Фотием канонах говорится и о более строгих наказаниях. Митрополит приводит толкование на 5-е правило Антиохийского собора: «Иже по извержению възмущение пребываяи, церкву Божию раскалаа, от мирьския власти да уцеломудрен будеть. Съгрешающих бо, рече, а непокорившихся престати от таковаго зла, властелем повелеваемъ предати, смирити их казнию». Так данный фрагмент читается в новгородско-псковском виде первой редакции памятника (Рум. 204. Л. 408 об.; ср.: Рог. 256. Л. 690 об.). В «митрополичьем формулярнике» в данном месте читается другой текст: «властелем повелеваемъ продати, смерти их казнию»⁷². Данный вариант представляется явно вторичным. Он не соответствует общему духу других посланий Фотия, в которых смертная казнь «инакомудрствующих» светскими властями прямо запрещается (см. ниже). Рекомендацию ее в Синод. 562 следует признать позднейшей редакторской правкой, сделанной в начале XVI в., вскоре после собора на «жидовствующих» 1504 г., вынесшего смертные приговоры обвиняемым в ереси⁷³. Исходя из контекста послания Фотия, «смирити казнию» у него означает наложить наказание от светских властей вообще. Дальше это конкретизируется цитатой из 13-го правила Двукратного константинопольского собора («заточити повелеваемъ»)⁷⁴.

Во втором послании (1425 г.) он вновь пишет о заточении как крайнем средстве исправления и покаяния, при том что основным рекомендуемым средством по-прежнему остается убеждение, однако считает необходимым прямо предостеречь от смертной казни: «а зело нерадящих о сем — и нуждами (толико кровь и смерть не будутъ на таковых, но инако всяко), заточенми приводити тех в познание, да не погибнуть, ни снидуть в ад в помрачении своем»⁷⁵. Предостережение это косвенно свидетельствует о таком же накале страстей в городской среде Пскова, какой описан в Житии прп. Евфросина.

В грамоте от 22 июня 1427 г. митрополит вновь призывает прежде всего к убеждению стригольников («учити таковых и възъставляти в богоразумие»), но уже не говорит о заточении, ограничиваясь рекомендацией отлучения от церкви («отлучайте их от себе, аще не покаются»).

⁷¹ Источники. С. 245, 246. Н. К. Голейзовским выдвинута гипотеза, что в связи с борьбой со стригольничеством в Пскове могла быть написана икона на сюжет псалма 109 «Ты еси иерей во век по чину Мелхиседекову», изображающая, в частности, Христа в образе первосвященника. Один из раскрываемых смыслов иконы состоял в том, что «Бог пребывает в священстве постоянно и вечно» [Голейзовский, с. 138]. Исследователь резонно замечает, что сложная композиция иконы «могла быть понятна только людям, обладавшим солидной богословской эрудицией. Именно такими единогласно представляют источники стригольников» [Голейзовский, с. 139]. Церковные полемисты неоднократно указывали стригольникам на то, что церковная иерархия установлена самим Христом. Об иконе известно из послания Д. Герасимова псковскому дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину 1518—1519 г. Во время пребывания в Пскове в 1495 или 1499 г. новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) осудил сюжет иконы как неканонический, однако псковичи с ним не согласились (ГИМ. Синод. 322. Л. 252 об.).

⁷² Источники. С. 244; РФА. 2008. № 120. С. 404.

⁷³ В Хронографическом списке 20-х годов XVI в. это место было вновь существенно изменено: «Аще же в бестудии пребывает, укоризны и поношение клеветца всеу на Божия святителя, развращая и смущая уставы церковныя, нещадно того мирскою властию, яко расколы творящаго, изгонити» (ГИМ. Синод. 280. Л. 437).

⁷⁴ Источники. С. 244—245. Приводимые Фотием церковные правила противоречат точке зрения А. И. Клибанова, что первоначально митрополит рекомендовал лишь церковное отлучение, а гражданские наказания санкционировал только во второй грамоте [Клибанов, с. 124].

⁷⁵ Источники. С. 250.

В целом эта грамота самая «терпимая» по отношению к стригольничеству. Воздерживаясь от требования обратиться к светским властям Пскова для искоренения секты, Фотий пишет лишь о Божьем суде, если не на земле, то на небе, и призывает в случае упорства сектантов обращаться к нему: «и аз по божественным и священным правилом створю на токовых суд и осужение»⁷⁶.

Последняя из грамот Фотия о стригольниках, датированная 23 сентября 1427 г., стала ответом на послание псковских властей и духовенства, которое привез в Москву сам посадник Феодор Шибалкинич⁷⁷. Псковичи сообщали о том, что они, руководствуясь грамотой Фотия («по моей грамоте») «тех стригольников обыскали и показали»⁷⁸ (т. е. произвели следственные мероприятия и наказали их по судебному приговору).

Вопрос, когда же псковские власти предприняли решительные действия против стригольничества, не так очевиден, как кажется на первый взгляд. Обычно считается, что решающие события в Пскове, связанные со стригольничеством, приходятся, видимо, на конец лета – начало осени 1427 г., между двумя грамотами митрополита, написанными специально на эту тему (см., например: [Казакова, Лурье, с. 61]).

Однако не могло ли быть так, что гонения на стригольников произошли ранее? Действительно, если активные меры были приняты псковскими властями в 1427 г., на одиннадцатом году после начала переписки по данному вопросу с митрополитом, изначально рекомендовавшим решительное наступление на творящих раскол, то непосредственный повод к ним остается неясным. Как следует из текстов и Стефана Пермского, и Фотия, стригольникам не было свойственно таиться, они открыто выступали со своей проповедью «на распутьях и на ширинах градных»⁷⁹, митрополит из грамоты в грамоту повторяет требование «отлучаться» от них в еде и питье. По всей видимости, стригольники или пользовались определенным сочувствием части горожан (не обязательно вступавших в секту, бывшую довольно малочисленной), или отношение к ним было в целом индифферентным, что, несмотря на определенную активность духовенства, препятствовало принятию решения по стригольническому делу светскими властями.

Вероятно, лишь некие чрезвычайные обстоятельства могли всерьез настроить против стригольников значительную часть псковичей. Непосредственно накануне лета – сентября 1427 г. таких событий не просматривается. Годом ранее на Псковскую землю совершил нападение великий князь Литовский Витовт. Но конфликт был исчерпан зимой 1426/1427 г., когда при посредничестве московских властей состоялся выкуп псковичами своих пленных⁸⁰.

Поэтому не исключено, что события, связанные с искоренением стригольничества, произошли на самом деле во второй половине 1425 – начале 1426 г. во время эпидемии, понимаемой как наказание Божие за грехи. Об этом косвенно свидетельствует то, что первая грамота Фотия от 1427 г., как следует из ее текста, в отличие от трех других грамот, не была составлена как ответ на послание из Пскова или прибытие в Москву псковского посольства. Вероятно, грамота была написана по инициативе Фотия, беспокоящегося о существовании раскольнического движения на территории митрополии, о котором он продолжительное время не получал известий. Кроме того, как говорилось выше, это позволяет объяснить явное несоответствие между мерами, предлагаемыми Фотием в 1427 г. (суд митрополита, отсутствие рекомендации следствия и тюремного заключения на месте), и мерами, предпринятыми псковскими властями в реальности, о которых Фотий узнал лишь в конце сентября 1427 г. При этом в грамоте 1425 г. тюремное заточение как крайняя мера предписывалось.

⁷⁶ Там же. С. 252, 253.

⁷⁷ Там же. С. 254; Псковские летописи. Вып. 2. С. 42.

⁷⁸ Источники. С. 254.

⁷⁹ Там же. С. 240.

⁸⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 35–38; Вып. 2. С. 40–42.

Псковская судная грамота предусматривала суд «господы» (совета князя, посадника и сотских) (см.: [Алексеев, 1980, с. 19–39]). Традиционные же судебные функции веча отменялись (при этом вече оставалось высшим законодательным органом власти): «А князь и посадникъ на вѣчи суду не судяты, судити имъ оу княза на сенехъ, взираа въ правду по крѣстному целованью» [Алексеев, 1997, с. 37] (ст. 2 по нумерации Ю. Г. Алексеева). По словам Ю. Г. Алексеева, «перед нами важная судебная реформа. Суть ее — ограничение судебных функций веча» [Алексеев, 1980, с. 21; ср.: с. 59]. Однако когда это нововведение обрело законодательную силу — в 1397 г., когда, по Ю. Г. Алексееву, была составлена первая редакция ПСГ, или позднее, остается под вопросом. Суд с участием как духовных лиц, так и мирян предусматривал участие владычного наместника (ст. 109 [107] по Ю. Г. Алексееву): «А попы и діаконы и проскурница и черньца и черница судитъ намѣстнику владычню. Аже попь или діаконъ или противу черньца или черницы жь, а будетъ обаи не простые люди церковные, ино не судитъ князю, ни посаднику, ни судіамъ не судитъ, занеже судъ владычна намѣстника, а будетъ вдинъ человекъ простой истецъ мирянинъ, аже церковный человекъ с церковнымъ, то судитъ князю и посаднику съ владычнымъ намѣстникомъ вопчи, такожъ и судіамъ» [Алексеев, 1997, с. 47, ср.: с. 82]. Под 1427 г. в псковских летописях упоминается владычный наместник Парфений (Парфей), возглавлявший вместе с посадником Сильвестром Левонтьевичем псковское посольство к Витовту, заключившее с ним мир⁸¹. Узнавший о расправе над стригольниками Фотий обращается в грамоте от 23 сентября к соборному духовенству, монашеству, посадникам и «всему Пскову» (вечу), что можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что суд действительно носил «смесный», церковно-светский характер.

В связи с этим следует отметить, что и значительную часть 1425 г., и почти весь 1427 г. во Пскове не было князя, который, по словам Ю. Г. Алексеева, выступал «как главный судья и гарант правопорядка вечевого города-земли» [Алексеев, 1980, с. 13]. Наместник великого князя Василия II Федор Патрикеевич выехал в Москву 22 августа 1425 г. из-за начавшейся эпидемии, но вскоре скончался, а сын князя Александра Федоровича Ростовского Дмитрий, временно замещавший отца, появился в Пскове ближе к зиме 1427–1428 г., как раз в результате посольства посадника Федора Шибалкиничя к великому князю, когда следствие и суд над стригольниками уже состоялись⁸². Следовательно, следствие («обыск») и суд по делу стригольников осуществлялись без участия агентов княжеской администрации. Среди псковской верхушки («господы») того времени можно назвать посадников Феодосия Фефиловича, Федора Шибалкиничя, Силивестра Левонтьевича, Юрия Тимофеевича, Якима Павловича, Ивана Сидоровича⁸³.

По всей видимости, стригольники были осуждены на заточение вплоть до покаяния осужденных⁸⁴. Такой вывод можно сделать из слов Фотия из второго послания 1427 г., что псковичи действовали «по моей грамоте» (имеется в виду, учитывая высказанные выше соображения, та грамота, которая датируется нами 1425 г.)⁸⁵. Как сообщали псковичи в своей

⁸¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 42.

⁸² Псковские летописи. Вып. 2. С. 40, 42.

⁸³ Там же. С. 39–42, 122–124; Источники. С. 248, 254.

⁸⁴ Заточены стригольники были, скорее всего, не в самом городе и не в окрестных монастырях (хотя о темнице в Снеготорском монастыре упоминает уже Дионисий Суздальский в грамоте 1382/1383 г. (РИБ. Т. 6. № 24. Стб. 209)), а в обителях, достаточно отдаленных от города, например, в Спасо-Елеазаровом или Спасо-Преображенском Великопустыньском, несомненно, существовавших в то время (см.: [Французова, с. 118–119]). Именно так, по-видимому, руководствуясь более ранней практикой, поступил впоследствии (ок. 1487 г.) новгородский архиепископ Геннадий, обвинив иеромонаха Немчинова монастыря Захара в стригольничестве и выслал его «в пустыню на Горнечно» (Источники. С. 380). Имеется в виду Горнецкий или Горнечный Спаский монастырь, находившийся в 60 верстах от Новгорода, в Деревской пятине [Строев, стб. 109; Зверинский, с. 119–120].

⁸⁵ Источники. С. 254.

грамоте митрополиту, никто из арестованных стригольников не раскаялся, они продолжали исповедовать свои взгляды: «таки дьявольским запятием, яко диаволу в них вьгнездившуся, и те, деи, к своему хрестьянству истинному и к вере православней таки не дрѣзаютъ чисте зрети, и смотрити, и веровати, ни к отцем духовным на покаяния приходити, а еще и хулу глаголюще на чин великаго божиа священства»⁸⁶.

Вопреки позднему сообщению Иосифа Волоцкого, что стригольников «ни единого же оставиша, но всѣхъ в темницу ввергоша даже до конца живота ихъ»⁸⁷, по сведениям, полученным Фотием от псковских властей, «инии ти стригольници побегали»⁸⁸. Более того, в конце послания митрополит вновь предписывает меры, ограничивающие общение с ними православных, что дает основание для предположения, что отдельным стригольникам удалось скрыться в самом Пскове⁸⁹. Но, судя по тому, что в дальнейшем ни Фотий, ни другие церковные иерархи никогда не писали в Псков по этому поводу, меры городских властей достигли своей главной цели. С организованно противостоящим официальной церкви раскольническим движением было покончено.

Литература

Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002.

Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // ДРВМ. 2004. № 4 (8). С. 22–34.

Алексеев А. И. О Симонии, Псковских спорах XV в. и «Трифоновском сборнике» // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2008. Т. 2. С. 242–265.

Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х г. СПб., 2010.

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота: Текст, комментарий, исследование. Псков, 1997.

Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. Ч. 1.

Бачинин В. А. Византизм и евангелизм: Генеалогия русского протестантизма. СПб., 2003.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности Новгородского архиепископа Геннадия // Византийский временник. М., 1980. Т. 41. С. 125–140.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Пол. 1.

⁸⁶ Там же. Эти слова заставляют полагать, что и раньше, до ареста, они поступали именно так, в соответствии со своими взглядами на духовенство. По А. И. Алексееву, который основывается только на стандартном запрете митрополита Фотия православным не иметь общения с еретиками и раскольниками, «стригольники и сочувствовавшие им продолжали посещать церкви и делать в них приношения (возможно, участвовали в церковных службах и допускались к таинствам), сохраняли общение с православными и даже участвовали в совместных застольях» [Алексеев, 2012, с. 86]. Думается, если так и могли поступать псковичи, то не стригольники как таковые, а терпимо или сочувственно к ним относившиеся горожане, не порывавшие с церковью (основатель стригольничества Карп и все его последователи были от церкви отлучены (Источники. С. 237, 241)).

⁸⁷ Иосиф Волоцкий. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. С. 542.

⁸⁸ Источники. С. 254.

⁸⁹ «Якоже и преже к вам писал, и ныне пишу: удаляйте себе от тех в ястии и питии, и казньми (толико не смертными, но внешними казньми и заточенми) приводяще тех, да будут в познание и обращения к Богу...» (Источники. С. 254). С. А. Зеньковский предполагал, что отдельные группы стригольников могли укрыться в окрестных лесах и их потомки повлияли на становление беспоповского движения XVII в. [Зеньковский, с. 136–137]. Каким-либо серьезным основанием для такой гипотезы, однако, не имеется, в том числе по причине слишком большой хронологической дистанции.

- Гордиенко Э. А. К истории изучения новгородской ереси XV – нач. XVI в. // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 44–51.
- Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 3.
- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М., 2006.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI в. М.; Л., 1955.
- Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. 1.
- Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Корогодина М. В. Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 255–273.
- Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 3. Т. VII, VIII.
- Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. Отд. 1.
- Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
- Милюков В. В. Учение стригольников // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1993. Вып. 4. С. 33–46.
- Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Новгороде. СПб., 1879.
- Печников М. В. Доктрина стригольников: опыт реконструкции // *Russia mediaevalis*. München, 2001. Tomus X, 1. С. 115–125.
- Печников М. В. К вопросу о религиозной практике стригольников // *Ad fontem* / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 224–236.
- Печников М. В. Вторая редакция «Списания» Стефана Пермского (к вопросу о времени и месте составления) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 90–107.
- Печников М. В. «Списание на стригольников»: проблемы авторства, датировки и источников // Проблемы источниковедения. Вып. 3 (14) (в печати)
- Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С. 90–139.
- Плигузов А. И. Предисловие // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 2008. С. 30–68.
- Рыбаков Б. А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993.
- Руднев Н. А. Рассуждение о ересь и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838.
- Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908.
- Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей Российской Церкви. СПб., 1877.
- Филарет (Гумилевский), архиеп. История русской церкви. М., 1888. Т. 2.
- Французова Е. Б. Монастыри Псковской земли в XVI в.: общее количество и размещение // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 108–130.
- Хоулетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 53–73.
- Цапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.